

Евгений В.Х.

Авторский метод

Фантастический рассказ

Евгений В.Х.

Авторский метод

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68891628

SelfPub; 2023

Аннотация

Небольшой тихий офис. Контора, в которой работают трудолюбивые сотрудники. Они не знают друг друга и не стремятся к этому. Для знакомства попросту нет времени. Эти люди – Корректоры. Их профессия исправлять тексты, каждый из которых – это не просто набор слов и предложений, где требуется исправить орфографию и стилистику. В скупых строках официальных документов, содержащихся в компьютерных файлах, читается чья-то судьба. Корректор по имени Марк получает задание, которое не вписывается в привычные рабочие алгоритмы. Теперь он вынужден принимать сложные решения, чтобы исполнить свою функцию, но при этом сам переходит в новое качество. Фантастический рассказ.

Евгений В.Х.

Авторский метод

В конторе было тихо и пыльно. Все работали. Слышны были только усердное сопение, шорох бумаги и стук компьютерной клавиатуры. Правда, иногда включался принтер или сканер и тогда казалось, что тишина почти взрывается звуками. В помещении стоял полумрак, так как тяжелые занавески были плотно задернуты и светились только экраны мониторов или, изредка, настольные лампы. Так было всегда. Вряд ли кто-то из сидящих сейчас за своими столами работников когда-либо видел окно. Плотные темные шторы постоянно скрывали его, равно как и то, что за ним. Но, ради справедливости, стоит отметить, что это никому и не было интересно. Все пятнадцать служащих были погружены в свою работу. Максимально погружены. Они даже друг с другом никогда не общались. Может потому, что на это не было времени? А может и по той же причине, что и в случае с окном. Не интересно.

Корректорский отдел работал в поте лица. Рабочий день был в самом разгаре. Опять-таки, как всегда. Никто никогда не задавался вопросом день сейчас или ночь. Все трудились и было не важно какое идет время суток. Вполне возможно, что кто-то вообще не подозревал о том, что существует смена дня и ночи. Зачем нужна эта информация? Для исполне-

ния функциональных обязанностей она не пригодится.

Порою кто-нибудь вставал со своего старого и продавленного стула и подходил к не менее бывалому, судя по виду, шкафу. Открывал его и начинал там копать. Вот откуда шорох бумаги! Впрочем, такое случалось редко и так поступали работники с большим стажем. Те, которые больше привыкли к бумажным архивам нежели к цифровым. Им проще было перевернуть толстую кипу старых бумаг, чем найти нужную информацию в памяти компьютера. Ничего не поделаешь! Консерватизм и инерция мышления.

Хотя, какая разница? Не нравится тебе смотреть в монитор, а больше по душе вдыхать теплую пыль древней макулатуры – пожалуйста! Это твое дело. Главное, чтобы работа выполнялась.

А она всегда выполнялась. Хорошо или плохо – это не нам решать. Главное, что процесс шел и никогда не останавливался. И никогда не остановится. Это очень важно! Жизненно важно, я бы сказал.

Моя рабочая задача была такой же как у всех остальных. Но существовала и специфика, чем я очень гордился. Например, мой стол был крайним в последнем ряду и самым близким к двери. Соответственно, никто кроме меня не видел дверь и не знал о ее существовании. Вполне возможно, что я мог бы открыть ее, при необходимости, и выйти наружу. С возвратом, конечно. Но делать этого мне никогда не приходилось. Не было нужды, да и боязно.

Но было еще кое-что. Дело в том, что я являлся обладателем электронного планшета – мобильного устройства с сенсорным экраном, позволявшего управлять компьютерной информацией простым прикосновением пальца.

Что я вам объясняю! Это известно каждому школьнику, разумеется!

Но не в нашей конторе. Здесь он был только у меня. Другие сотрудники обходились только стационарными компьютерами с большими экранами и системными блоками под столами, которые мешали коленкам и приглушенно гудели. Нет, вы не подумайте – такой аппарат тоже стоял на моем столе, но планшетник был бонусом. За что? Вероятно, есть какие-то веские причины.

Мои коллеги могли бы позавидовать мне. Но, к сожалению, или к счастью, они не способны были испытать этого великолепного чувства. Да, да! Всё по той же причине – им было безразлично, и они не знали о моем существовании.

Нет. Не так! Знали и догадывались, что есть такой как я, но специфика моей индивидуальности им была не доступна. Так же, как и их персоны были мне неизвестны. Я просто знал, что у меня есть сослуживцы, их количество, чем они заняты, видел их фигуры в полумраке и слышал тот легкий шум, что они издавали в процессе напряженной трудовой деятельности. И это все! Но, признаюсь честно, мне было бы интересно узнать о них побольше. Это, наверное, ненормально и я излишне любопытен, но факт остается фактом –

меня всегда тянуло познакомиться с кем-нибудь из сотрудников нашего учреждения поближе.

Особенно это касается той, что сидит слева от меня. Моя прекрасная соседка! Запах ее духов всегда сводил меня с ума. Я постоянно с нетерпением ждал, когда она как-то проявит себя. Волосы, великолепной волной разливающиеся по ее тонкой, стройной спине – это в тот момент, когда она делала перерыв и начинала прихорашиваться. Нервный стук каблучков под столом, возникающий, вероятно, тогда, когда она сталкивалась с какой-то трудной задачей и, разумеется, порою легкое покашливание, что позволяло услышать ее тонкий волнующий голосок. Боже мой, это было что-то!

Но знакомство совершенно невозможно! По крайней мере, я так думаю. И моя великолепная сослуживица остается лишь будоражащей воображение фантазией.

Уф! Хватит об этом!

Была еще Лилия! Мой начальник и та, которая периодически выдавала мне сверхурочные задания. Именно она подарила мне планшет. Мы хорошо ладили. В деловом смысле, конечно. Она прибывала из-за двери и сразу подходила ко мне. Крупная до полноты, но не высокая шатенка в бежевом деловом костюме, очках и папкой в руках. На лице ее всегда было серьезное выражение. Она склонялась над моим столом и в течение нескольких минут объясняла новую задачу, одновременно выкладывая документы, конкретизирующие мою миссию. Потом всегда та же самая информация

оказывалась у меня в планшете. Иногда я даже задавал ей уточняющие вопросы, но, чаще для того, чтобы поумничать, не более. Лилия всегда объясняла все очень четко и конкретно.

– Работай, Марк! – неизменная фраза, которой она заканчивала свой инструктаж и резко развернувшись покидала наш офис, аккуратно и плотно прикрыв за собой дверь.

Лилия общалась только со мной. Еще один признак моей специфичности по сравнению с остальными. Я считал это плюсом своей должности – вторым по значимости после соседства с девушкой моей мечты, что сидела по левую руку. Мне нравились те пять, десять минут, что мы общались с начальницей. Она вселяла в меня уверенность, спокойствие и даже гордость за себя. Кроме того, она была привлекательной дамой. Но вы не подумайте! Я и в мыслях не позволял себе изменить той, что долгие годы приводила мою душу в сладостный восторг. Это все про ту же соседку слева.

Так что, небольшое волнение, периодически возникавшее у меня внутри при общении с Лилией я быстро тушил усилиями своей воли, основанными на соображениях разума. Оставалась только собранность и готовность к выполнению обязанностей.

В последние несколько дней, может быть неделю, Лилия не приходила. Это было нормально. Работа, требующая разъяснений, появлялась не так часто. Но я всегда ждал ее прихода. Когда начальница появлялась рядом с моим рабочим

местом я испытывал настоящую полноценную эмоцию. Это была радость от предвкушения чего-то нового и необычного. Ощущения были сродни ожиданию сюрприза. Что же ждет меня на этот раз?

Конечно, задания, предлагаемые мне Лилией, не были связаны с чем-то захватывающим. Просто это были дела, в которых имелись особые и конкретные пожелания к содержанию корректировки. В контексте весьма авторитетной заинтересованности, так сказать. Я ведь не писатель детективных романов, у которых неожиданные повороты сюжета, зачастую, являются главным жанрообразующим фактором. Я обыкновенный Корректор.

Но, все-таки, те небольшие вылазки за рамки обыденности, что предлагала Лилия были для меня несравненным средством от пыльной конторской скуки и хандры. Хотя, повторюсь, что, скорее всего, скучаю здесь я один. Остальные вполне довольны своей работой. Занятость и эффективность компенсируют им недостаток разнообразия.

Что у нас сегодня?

Я наконец заставил себя сосредоточиться на текущих делах. Открыл первый файл, висевший у меня в компе в разделе заданий как не просмотренный.

Молодой человек. Студент. Девятнадцать лет. Плохая компания. Склоняют к противоправным действиям. Все это на фоне разгульной жизни, частых вечеринок и пьянок. Сессия сдана еле-еле. Тройки. Зачет по одному из предметов,

буквально, вымолен у сердобольного пожилого преподавателя...

Все ясно! Банально до отвращения. По десять таких историй за день бывает. Текучка. Ни сложности ни проблемности. Здесь надо применить обычный алгоритм. Такой текст я поправлю за полчаса. Главное найти начало. Эпизод, повернувший ход событий в негативную сторону. И еще выяснить с чего это вдруг такой простой сюжет попадает к нам на корректуру. Обычно, с такими вещами люди сами справляются. Или не справляются. Тут уж как сложится.

Значит нужно заглянуть вперед. Кем же должен стать в будущем наш злосчастный слабовольный студент? Ага! Понятно. Олимпийский чемпион по легкой атлетике. Метание молота. Ну да! Здесь обязательно нужно помочь.

Что еще на сегодня?

Пожилая женщина. Не следит совсем за своим сердцем. Еще годик и пиши пропало. В свою очередь, это обстоятельство сильно расстроит ее любимого племянника – весьма влиятельного бизнесмена, что может привести к нехорошим последствиям в сфере экономики.

Ну совсем легко. Никаких хитросплетений. Вернуться к моменту, когда моторчик тетушки начал барахлить и заставить кого-нибудь из окружающих повлиять на нее и убедить, что хорошо бы начать лечиться. Потом можно слегка попугать. Например, заставить ее воочию увидеть последствия болезней сердца. Или устроить не опасный, но неприятный

сердечный приступ. Полежит в больничке и все поймет. Словом, на пятнадцать минут работы.

Что на третье?

Премерзкая история про неверного мужа, своим поведением ведущего свою семью к распаду. Даже читать не хочется.

Я свернул файлы и, откинувшись на спинку стула, задумался.

И почему это мне всегда достаются такие сюжеты? Прimitивные и с мощной нравственной подоплекой. Аж зубы сводит. Я точно знал, что бывают, запутанные в тугие узлы всевозможных перипетий, почти детективные истории. С таким материалом разбираться весьма интересно и увлекательно. Распутать клубок, в который смотала героев событий злая судьба и вывести все на правильный вектор – это ли не настоящее удовольствие для профессионального Корректора?

Эх! А я, даже когда работаю по спецзаказу, всегда разбираюсь с заплутавшими агнцами, сбившимися с верного пути. Некоторых из них приходится загонять в стадо, буквально, вручную. Это бывает, как раз тогда, когда появляется Лилия. Но сегодня, судя по этим файлам, мне не стоит ждать ее визита. Все просто и спокойно.

Кстати говоря, я слышал, что некоторые из моих коллег исправляют тексты совсем в другую сторону! Да-да! Их целью, в этом случае, является навредить персонажу. Зачем? А

кто его знает. Может герой изначально и заведомо отрицательный? Его деятельность грозит нормальному существованию других людей. Вот тогда и нужно помешать ему.

Да уж! Если бы всех плохих парней можно было запросто стереть с помощью ластика или клавиши Delete! Но к нам попадают только по очень исключительным случаям. Когда грубые ляпы и ошибки в тексте грозят нарушить глобальную сюжетную картину.

Ну да ладно! Нечего размышлять о пустом. Работу никто не отменял.

Я погрузился в сегодняшний набор персональных дел, которые нужно подправить. Их было одиннадцать. Должен справиться часов за пять. Тем более что все дела были примерно одного уровня сложности.

Первые шесть были исполнены мною легко и без напряжения. Я отправил готовые файлы в сетевую папку, где хранились готовые документы и сделал перерыв, выпив кружку чая с печеньем.

Седьмой по счету файл также быстро отправился по нужному адресу, и я взялся за восьмой. И вот тут-то началось.

Я надолго застрял с этим делом. Впервые в моей трудовой карьере я столкнулся с чем-то подобным. Это не был сложный случай или запутанный сюжет, о котором я мечтал. Здесь было что-то совершенно другое.

Например, удивляло то, что это была архивная папка, которая содержала в себе еще три текстовых файла, а это само

по себе было в новинку. А еще, при беглом просмотре всех трех текстов я понял, что вообще не могу определить есть ли тут какая-либо сюжетная канва. В повествовании попросту отсутствовала стандартная логика. Это были разные по объему отрывки, не связанные между собой. Мало того, бросались в глаза определенные странности в содержании документов. Странности – это мягко сказано. Здесь было то, чего я раньше никогда не встречал и считал невозможным. Во-первых, излагали от первого лица. Во-вторых, в каждом из трех документов кто-то неизвестный вел свой собственный рассказ. И наконец, третье – у представленных фрагментов не было ни начала ни конца. Текст был просто вырван из какого-то контекста и было не ясно с какой стороны браться за корректировку.

Тем не менее, все это показалось мне не только поразительным, но и интересным в своей парадоксальности.

Я нервно сглотнул и, почувствовав непривычный восторженный трепет, поставил локти на стол, охватил руками голову и погрузился в чтение отрывков, каждый из которых требовал отдельного тщательного изучения. Вскоре это занятие поглотило меня. Я с головой погрузился в необычный текст и с азартом настоящего детектива принялся разбираться с его загадками.

Файл №1 (из архивной папки от 09.06...)

Работа – это всегда работа. Способ проявления своих спо-

способностей. Насколько человек деятелен, организован и целеустремлен, настолько эффективны результаты его труда.

Другой вопрос – нравится ли мне моя работа?

Отвечаю – профессия нравится, а работа нет. Место работы отвратительное. Начальник – сволочь.

Однако, для этого и нужна сила воли. Терпи и делай! Терплю и делаю! Главное результат, правда ведь?

Иногда задумываюсь, разумеется, кому все это нужно. Результаты моей работы. Может вообще никому?

В этом случае надо отказываться... Уйти! Совсем!

Но сегодня нужно закончить.

Холодно. Почти мороз. Я напрягаюсь физически. Мне тяжело. Дрогну на ветру. Настроения нет. А точнее, мыслей никаких нет, кроме тех, которые заставляют правильно выполнять те действия, которые и составляют мой рабочий функционал. Мышечные рефлексy работают за меня.

Сознание мокнет от слез. Хочется домой. Хочется тепла.

А еще, хочется понять где его найти. Я про тепло. И физическое, и душевное.

Я иду. Еле передвигаю ноги. Но так нельзя. Шагать нужно бодро и красиво. На меня смотрят. За мной наблюдают и оценивают мою эффективность.

Вот еще слово! Эффективность... Кто знает, что оно означает? Никто! И сами боссы не знают. Какой смысл хотят, такой и вкладывают в это понятие. Наверное, они его и выдумали.

Боже, почему так холодно?

Кто-то объяснял мне, что труд таким и должен быть – тяжким до страдания. Но приносящим удовлетворение.

Как у меня с удовлетворением? Не знаю! Пока не было возможности оценить.

Но почему так холодно?

Заключительный шаг вперед. Теперь развернуться и назад. Как же надоело! Хочется просто посидеть и отдохнуть. Еще и головная боль. Давление, вероятно, поднялось. А еще мерзкая ухмылочка моего начальника. Как же все надоело!

Хочется кричать о помощи.

Послушайте, неужели это нормально так уставать на работе? Я же не мужик, который на стройке таскает кирпичи. Или что они там таскают?

Я красивая девушка. Фотомоделль. Никогда не мечтала об этой профессии, но всегда была уверена, что она состоит только из красивых дефиле по подиуму. Но оказалось, что перед тем как выйти туда и красиво пройтись нужны утомительные тренировки.

А еще, я не догадывалась, что зимой на средиземноморском побережье может быть жутко ветрено и холодно, а изображать необходимо жаркую томность!

И начальник! Мерзкая, все-таки, у нее ухмылочка! Лицемерная! На самом деле, эта мерзкая старая тетка ненавидит меня. И не только меня, но и нас всех. Да, да! Я уверена!

И погода ненавидит меня! Холодно, а я в бикини, чтобы

ему провалиться! Голова раскалывается, Боже!

Файл №2 (из архивной папки от 09.06...)

Мне сейчас очень неловко. Чрезвычайно! Ощущение что весь мир смотрит только на меня. Первый день на работе. Первый день в школе в качестве учителя, педагога. Как это волнительно! Я привыкла за пять лет учебы в университете быть, с другой стороны. Со стороны тех, кто сидит за партами. А преподаватель для меня – это существо из разряда небожителей. Так было всегда. Еще со школы. Я никогда не разделяла циничного сарказма, с которым многие школьники и студенты относились к своим учителям. Педагогическая профессия вызывала у меня только трепетное уважение. Это было аксиомой и в моем сознании не подвергалось сомнению. Такое отношение к людям этой профессии могло бы объясняться тем, что кто-то из моих родственников работал учителем. Но это не так. Я выросла в семье заводского рабочего и врача. Поэтому, моя собственная мечта стать педагогом, казалось, родилась на пустом месте.

Хотя, говорят, что так не бывает. Ничего не рождается на пустом месте. Все имеет первопричину.

Теперь я стою в углу просторной учительской около старого протертого кресла, не решаясь сесть в него. Вокруг толпятся люди. В основном женщины. В основном немолодые. Кто-то из них приветливо улыбается. Однако, в основном, не обращают внимания, спешно и суетливо занимаясь своими делами в то короткое время, которое отведено переменой.

Я уже была у директора. Пожилой и солидный Василий Андреевич произвел отличное впечатление, принимая у меня документы об устройстве на работу. Обстановка его кабинета, ровный и спокойный бас, которым он напутствовал меня на успехи в профессиональной деятельности – все это успокаивало и волнение, сопровождавшее меня на всем утреннем пути на свое первое рабочее место, почти прекратилось.

Но все вернулось на круги своя, когда я нашла учительскую на четвертом этаже. Взяла журнал. И теперь стою, и думаю о двух вещах: скорее бы звонок и когда закончится сегодняшний день.

Поразительно то, что в эти минуты я и не думаю над тем, как пройдет мой первый урок в шестом классе. Как примут дети. Получится ли провести урок правильно и, как сейчас говорят, эффективно. Хотя еще вчера это было для меня вопросом номер один. Сейчас приоритетом, который жутким дискомфортом сверлит мне голову, оказалось мое неловкое положение новичка в коллективе и профессии. Я постоянно думаю о том, что нелепо выгляжу в сравнении с этими опытными учителями ввиду своей молодости. Я, ведь, такая невушительная! А педагог, в моем представлении – это монолит. Это авторитетная фигура внушающая благоговение.

Но так хочется соответствовать! Ведь сбылась мечта! Надо радоваться.

Но пока совсем не получается.

Я просто смотрю вперед и чувствую подступающую панику.

В противоположном конце просторной учительской стоит высокий мужчина лет тридцати с зачёсанным назад гребнем светлых волос, в спортивном костюме и с улыбкой во все зубы. В руках у него гандбольный мяч и зеленая скакалка подмышкой.

«Физрук!» – догадаться было не сложно.

Он, улыбаясь смотрит именно на меня. Это просто очевидно. Но я не успела отреагировать. Хотя, если честно, и не собиралась. Хозяин местного спортивного зала отвернулся к стеклянному шкафу, в котором аккуратно в ряд стояли большие картонные классные журналы и стал увлеченно там копаться.

Прошла минута.

В помещении очень жарко и душно. Вот армейским шагом входит Татьяна Витальевна. Я уже знакома с ней. Это заместитель директора по учебной работе. По-простому – завуч. Невысокая женщина в совсем не новом, но очень деловом костюме, туфлях с каблуком правильной средней высоты и высокой старомодной прической на седеющей голове. Она решительно проходит к середине комнаты и деловито оглядывается.

Заметила меня и быстро идет сюда. О Боже, что ей надо? – Вы уже вышли на работу? Готовы приступить? – вопросы завуча, скорее всего, не подразумевали необходимость от-

вета, но я, судорожно сглотнув, пробормотала, что, разумеется, готова.

– Хорошо! Но одеваться, моя хорошая, надо скромнее! Вы в детском учреждении теперь! – это было сказано почти шепотом и почти на ухо, но я сразу почувствовала, как в голове у меня произошел взрыв. Страшный. Ядерный.

Наверное, я густо покраснела. Хочу оправдаться, но слова не хотят выходить из вмиг пересохшего горла. Но это и не потребовалось. Татьяна Витальевна не планировала выслушивать мои возражения на свое замечание и уже беседует с какой-то учительницей метрах в трех от меня.

«Боже, как стыдно! Как неприятно!» – звучит набат в моей голове.

Рыдания подкатили к горлу. Я искренне не понимаю в чем провинилась и заслужила такое нелестное замечание от начальницы.

Все дело в том, что сегодня я постаралась одеться максимально строго в соответствии с дресскодом, который должен был быть принят в подобных организациях. Я была уверена, что выгляжу соответственно своему новому статусу и это не должно вызывать нареканий. А тут такое! Впервые! Страшно обидно! И несправедливо! Зачем она это сказала?

Я поняла, что сейчас зарыдаю и стала усилием воли сдерживать слезы. Стараюсь сделать каменное лицо и застывший взгляд. Нарочно широко открываю глаза, чтобы уже проступившие слезы просохли.

Звонок, как специально, не хочет звенеть. А штатные сотрудники школы продолжают прибывать в учительскую, все больше усиливая шум и суетолюку. Один пожилой, как мне показалось, невысокий учитель-мужчина в черных брюках и клетчатой жилетке, надетой сверху на белую рубаху, ненароком глянул на меня. Очки у него висят на высоком с глубокими залысинами лбу, а взор пристальный и очень неприятный.

«Ну вот! И ему не нравится мой внешний вид!» – пришла в голову мысль и стало понятно, что слезы я больше сдержать не смогу.

Появился порыв помчаться домой и переодеться. Но через пять минут урок! Что же делать? Как же можно выдерживать все это весь день?! Комок в груди уже превращается в гранитный камень.

Файл №3 (из архивной папки от 09.06...)

Сегодня в студии никого нет. Впрочем, как и вчера. Как и позавчера. Наши фотоуслуги не очень востребованы. Сейчас сезон отпусков поэтому и на документы сфотографироваться нет большого количества желающих. К слову, это наши основные клиенты. Однако, иногда нас заказывают для фотосессий. Свадьба или какое-либо торжество. Студия для этого не очень приспособлена, но на выезде всегда пожалуйста. Хотя, если честно, такое бывает не часто.

Почему я все время говорю «наша студия»? Это моя студия. И работаю я один. Комната три на три метра, разделен-

ная деревянным прилавком, за которым стол с компьютером, цветной принтер, дорогая японская камера на штативе, стул для клиента и зеркало для него же. Вот и весь мой капитал!

Собираюсь в этом сезоне приобрести терминал для оплаты картами. Не очень удобно наличностью или переводом на телефон – клиенты жалуются. Но пока с этим придется обождавать. С моих барышей не разгуляешься. Плюс, аренду надо платить торговому центру, в котором моя студия и находится. На первом этаже под эскалатором. Одним словом, дела идут хорошо. Но не очень. Хотелось бы лучше. Но я не унываю. Главное же это заниматься любимым делом, правда?

Это на первый взгляд фотография – простое занятие. Щелкнул и готово. Многие в наше время так это и воспринимают. Особенно молодежь и подростки. А что такого? У каждого есть смартфон с камерой – снимай, что угодно, хоть фото, хоть видео. А потом выставляй этот дилетантский второсортный продукт в Сеть и радуйся. Жди дивидендов.

Но настоящая фотография – это творчество. Нельзя забывать об этом! Только подлинный профессионал, мастер своего дела может превратить фотоснимок в произведение искусства. Быть фотографом – значит быть художником. Но только в гораздо более глубоком значении этого понятия. Художник свободен в выражении своих мыслей и эмоций. Он использует фантазию, чтобы создавать картины. Спектр возможностей отсюда очень широк. А мы – фотографы? Мы же ограничены реальностью! Наша задача создавать шедев-

ры из того, что дает нам окружающий мир: природа или человеческая сущность этой природой определяемая. Мы творим с настоящей натуры. Отражаем жизнь во всей ее полноте, при этом добавляя в нее часть своей души. Через известные только нам приемы. Недостаточно найти нужный ракурс и правильно настроить объектив. Главное это увидеть и схватить.

Разумеется, сложно творить, работая только с фото на паспорт. Да и дивиденды хотелось бы иметь как у тех бездарных сетевых звезд. Эх!

Но я знаю, что все еще впереди. Будет и настоящая работа, и признание. Главное работать. И ловить момент. Чтобы увидеть и ухватить.

Есть еще моя домашняя галерея, но это нечто настолько личное и сакральное, что я позволю себе промолчать.

– Здравствуйте! – она вошла слишком тихо, и я не сразу обратил на нее внимание, задумавшись. – Вам нужно сделать снимок?

Высокая темноволосая женщина в светлом летнем платье и солнечных очках. Хочет фото на паспорт.

Я, наверное, дольше чем это позволительно смотрел на нее. Вероятно, потому, что вообще не ждал сегодня клиентов. Поэтому первой и неожиданной клиентке – особый пиетет. Я постарался обслужить ее максимально обходительно.

Женщина подошла к зеркалу. Сначала причесывалась и поправляла макияж, а потом, словно застыв, долго смотрела

на себя.

Я был предупредителен и терпелив.

Фото будет готово через двадцать минут.

У меня есть небольшая скамеечка для посетителей. Она стоит с внешней стороны от прилавка, прислоненная к стенке.

Клиентка может здесь подождать, а может погулять по торговому центру и позже зайти. Словом, как удобнее. Клиент всегда прав!

Женщина сказала только: «Спасибо!», протянула мне купюру и, не взяв сдачу, развернулась и вышла.

Через двадцать минут дама не пришла. И через тридцать не пришла и через час.

Три квадратика с ее изображением лежали в шкафчике для готовых фото и ждали ее. Они были единственными сегодня. Но так и не дождались. Когда я вечером засобирался домой, мне подумалось, что это странно. Обычно клиенты платят только тогда, когда забирают готовые фотографии, а эта заплатила заранее, но фото не забрала. Может с ней что-то произошло?

Я открыл выдвижной ящик и взял в руку три маленьких, еще не отделенных друг от друга ножницами, портрета незнакомки. Посмотрел внимательно. Положил назад.

Но потом снова схватил и всмотрелся пристально. Мне показалось, что я знаю ее. Нет, нет! Не где-то видел, как иногда кажется, а именно знаю. Отлично знаю, но не понимаю,

что конкретно. Я не мог вспомнить где именно я мог встречать эту даму, как ее зовут, но уверенность в том, что мне известно о ней очень многое поселилось в моем сознании и больше не покидало его.

А еще, она была красива. Не просто симпатична, а именно красива. Потрясающе красива! Я глядел на фото и признавал, что мне трудно оторваться от созерцания этого сияющего великолепия. Почему я сразу этого не заметил тогда, когда она сидела напротив меня на стуле и неотрывно глядела в объектив, стараясь не мигать, как я ее попросил?

Зачем я вообще отпустил ее?

«Она придет завтра! За фотографиями! Я уверен!» – эта мысль вызвала восторженную волну в груди, заставившую похолодеть сердце.

Я положил фотографии назад в ящик и собрался запираться студию, но потом в панике вернулся и забрал их с собой. Нельзя допустить, чтобы с ними что-нибудь случилось!

Весь следующий день я сидел и ждал. Точнее хотел провести весь день в ожидании, но не получилось. Как назло, в этот день, странным образом, было много посетителей. Снимались на документы. Делали копии каких-то бумаг, а одна молодая парочка даже сфотографировалась на художественный портрет.

Я все время поглядывал на вход. Она должна была прийти с минуту на минуту.

Но она не пришла.

В конце дня я снова достал ее фото. Я не делал этого в ходе рабочего дня. Даже когда просто сидел за прилавком. Я надеялся увидеть ее воочию. И вот теперь, опять, неотрывно смотрю на ее изображение на маленьком клочке матовой бумаги.

Идеальный овал лица. Высокая линия бровей. Большие темно-синие глаза, смотрящие строго и немного напряженно. Маленький рот со слегка пухлыми губами. Длинные прямые черные как смоль волосы, обрамляющие лицо и спадающие на плечи. Ей тридцать лет. Не больше не меньше.

Вы спросите откуда я это знаю? Так, ведь, я знаю о ней почти все. Помните?

А еще вы скажете, что ничего в ней нет особенного. Не соглашусь. Она прекрасна!

Почему? Не знаю. Не могу объяснить.

На следующий день она не пришла. Я активно ждал неделю и потом решил принять меры. Взял фото и прошелся по торговому центру, демонстрируя его своим коллегам из разных магазинов и бутиков. Предлогом было то, что я хочу отдать фото клиентке и может кто-то видел ее.

Никто ничего не мог сказать мне, все пожимали плечами и только Алена Степановна – пожилая продавщица из книжной лавки легко узнала даму, изображенную на фото. Она сообщила мне, что эта брюнетка живет здесь неподалеку и частенько приходит, чтобы долго стоять у книжных полок и листать новенькие, пахнущие свежей бумагой тома. Всегда

покупала что-нибудь и уходила. Как ее зовут Алена Степановна не знала.

Я попросил передать, чтобы она зашла за фотографиями если появится и, испытывая душевный подъем, вернулся к себе. Появилась надежда, что незнакомка, так много значащая для меня снова переступит порог моей маленькой студии.

Что я скажу ей?

Эта мысль на мгновение вызвала страх. А действительно? – Здравствуйте! Вы забыли забрать фото. Я сохранил! Вот! Возьмите, пожалуйста!

И всё? И всё!

Она, в лучшем случае поблагодарит и снова уйдет, исчезнув из моей жизни.

Нет! Этого нельзя допустить! Надо все хорошенько обдумать.

Я обдумал. Размышлял об этом еще месяц.

Настала осень. Я каждый вечер снимал с крючка свой плащ, собираясь домой и доставал из ящика три заветных квадратика. Они лежали теперь в отдельной секции, отдельно от остальных заказов. Вероятно, они сильно истрепались за это время, ведь я брал их в руки каждый вечер.

Это стало почти ритуалом. Мы смотрели друг на друга, и я отдыхал от дневных забот. Осмысливал впечатления дня и мечтал, как хорошо бы было, если бы она могла оценить мои мизерные, незначительные, но все-таки достижения. Вчера

мне удалось поставить на место зарвавшегося и наглого таксиста, который хотел содрать с меня плату выше, чем положено. Я сделал это грубо и жестко – по-мужски. В итоге я заплатил столько, сколько было оговорено заранее и, хлопнув дверцей желтого кэба, уверенной походкой зашагал к своему подъезду. В этот миг мне показалось, что ОНА стоит неподалеку, видит меня и мысленно восхищается.

Ждать я уже перестал.

Но на фото смотрю регулярно.

Проходит время, и я чувствую, что эта привычка начинает тяготить меня. Фото перестает радовать, причиняя душевные муки. Это потому, что исчезла надежда. Но появилось нечто другое!

Каждый вечер, с болью в душе я достаю фотографии из ящика, и вновь впиваюсь в родной и такой далекий образ своим ненасытным взглядом. И с каждым разом во мне растет понимание. Понимание того, что я нашел то, что искал.

Я собрался заново открыть файл №1, но кто-то положил руку мне на плечо.

Лилия! Вот уж кого сегодня не ожидал увидеть! Но учитывая то, что я сейчас получил в качестве материала для работы, ее появление следовало бы предугадать.

– Привет, Марк!

– Здравствуй, Лилия!

– Озадачен?

– Это мягко сказано!

Моя начальница оставалась позади меня, и я не видел ее, а только слышал и чувствовал ее руку. Однако я понял, что она улыбается сейчас.

– Что смешного? – немного резковато воскликнул я.

– Ты!

– Что я?

– Ты смешной!

Я дернулся, но она не убрала руку с моего плеча и даже слегка надавила.

– Что это все означает? – я указал на экран монитора, где была открыта архивная папка с тремя загадочными текстовыми файлами, которые я на раз уже прочитал.

– Ты кем у нас работаешь? – проигнорировала Лилия мой вопрос.

– Корректором.

– Вот именно!

– Мне не понятно... – я снова заерзал, пытаюсь повернуться и взглянуть ей в лицо, но она с усилием заставила меня оставаться в прежней позиции и теперь обе ее руки покоились на моих плечах.

– Что тебе непонятно?

– Все непонятно! Это бред какой-то! Мне подсунули невразумительные исповеди каких-то неустроенных и закомплексованных психов! Что прикажешь с этим всем делать?

– Бред? – переспросила она. – Может быть. Кстати, ты верно уловил то, что объединяет все три текста. Везде есть жалоба на судьбу.

– И просьба о помощи?

– Не уверена... Так кто ты у нас? – этот вопрос она только что задавала.

– Ты уже спрашивала! Я Корректор!

– Вот именно! На то и нужен Корректор, чтобы бред превратился во что-то удобоваримое. Не так ли?

Я растерянно замолчал. Потом произнес.

– Это так. Но я не привык... Я не уверен, что с этим материалом можно вообще работать.

– Ты хочешь сказать, что формат данных изменился и тебе не приходилось раньше с подобным работать? – снова хихикнула моя начальница.

– Да! Совершенно верно, – подумав, согласился я.

Лилия на этот раз громко рассмеялась.

– Ну тогда с повышением тебя! – заявила она и несколько раз потрепала правой рукой мои волосы.

Я снова попытался повернуться, но был возвращен в исходное положение.

– Что ты имеешь ввиду? – спросил я.

– Ничего особенного. Просто ты получил рабочую задачу более сложного уровня, чем были у тебя до сих пор. Насколько я догадывалась, ты мечтал об этом? Надоела рутина, так ведь? Вот и сбылись твои чаяния. Уверена, что ты бле-

стяще справишься!

Я охватил свой лоб ладонями и задумался, просидев так несколько минут. Лилия по-прежнему оставалась рядом и позади.

– Но мне нужны пояснения! – наконец протянул я. – Я, разумеется, хотел чего-нибудь посложнее, но не так это себе представлял.

– Еще бы! – отозвалась Лилия. – Ты думал, что если перевернуть задачу на сто восемьдесят градусов, то это и будет нетривиальной миссией великого Корректора. Наказать какого-нибудь негодяя или еще что-нибудь подобное. Но такой подход, по существу, ничего не меняет. То же самое, только, с другой стороны. Сложность в нашей работе появляется тогда, когда кто-то не укладывается в линейные рамки стандартного сюжета.

Я еще раз задумался и, почесав лоб, решил, что понимаю, о чем она говорит.

– Мне нужно выяснить хоть что-нибудь об этих людях, – уже деловым тоном констатировал я. – Думаю, что ты здесь для того, чтобы пополнить меня информацией?

– О нет! – воскликнула женщина. – Никакой информации, мой мальчик! Всё для того, чтобы сделать работу качественно у тебя уже есть. Плюс клавиатура, монитор и голова на плечах. Для начала ограничимся тремя файлами. Теми, что ты получил сегодня в архивной папке. Остальные девять стандартных дел побоку! Отложим назавтра, договорились?

– Но как же так? – воскликнул я. – Должен же я иметь хоть какие-то сведения! Здесь же незначительные отрывки, из которых невозможно делать выводы и, тем более, принимать решения!

Я услышал, как мой куратор вздохнула за спиной.

– Видишь ли, Марк, не все так просто. Есть среди наших материалов для работы те, которые не вписываются в хронологию или сюжетную логику. И таких немало. Приходят они теми же каналами, как и все остальное и предоставляют нам сомнительное удовольствие поломать над ними голову. Короче говоря, я знаю не больше тебя и дополнительной информации у меня нет.

– Ты хочешь сказать, что... – я даже открыл рот от изумления.

– Да! Да! Именно так! Они существуют автономно и независимо от нас. Сами пишут себя. И отказать нельзя.

– Так что же я могу сделать в таких условиях? – уже отчаянно прохрипел я.

– Не паникуй! Ты не первый и не последний. Вдобавок – один из лучших в нашей конторе! – поощрила меня комплиментом Лилия и слегка похлопала по плечам. – Ты теперь можешь все! Я же поздравила тебя с повышением, помнишь?

– Ну и что?

– А то, что ты отныне не просто Корректор. Тебе даны более широкие полномочия. Ты должен сделать из этих скудных отрывков настоящий сюжет. Это сложно, но вполне ре-

ально. Нужно только уйти от стандарта. Забыть о нем. Всё как ты мечтал! Всё получится! Работай, Марк!

– Кто же я теперь тогда? Если не просто Корректор? – спросил я Лилию уже вдогонку. В этот раз я так и не увидел ничего, кроме ее спины.

– Ты Автор! – ответила она уже из-за закрывающейся двери.

Я Автор! Хм! Радоваться теперь или огорчаться? Вот уж повышение так повышение! Если раньше я тратил на три текстовых файла не более полутора часов, то теперь придется голову ломать огромное количество времени!

Ну что ж, Лилия права. Я сам хотел чего-то подобного и теперь получил.

Итак, с чего обычно начинают авторы свои произведения? Как мне помнится, с описания места события. Или природы? А может с главного персонажа? Кто у меня главный персонаж? Тут их как минимум пять. И как определить кто главный? Если я автор, то, возможно, сам должен решить?

Кстати говоря, что я могу, а что нет? Что можно, а что нельзя? Где рамки дозволенного?

Я никогда не задумывался над этим. Работал так, как всегда. Как и все остальные в нашей конторе. Если рамки и были, то мы не чувствовали их, попросту, никогда не выходя за границы дозволенного. В случае чего-то особенного, Лилия давала мне четкие инструкции. Сегодня же от нее не было

ничего кроме информации о моем повышении. Что это значит?

Может то, что я не ограничен в своих решениях? И как Автор могу действовать по своему усмотрению? Похоже на то!

Тогда надо прекратить терзаться сомнениями и начинать. Описание природы? Хорошо! Будет красивое начало! «Живописный средиземноморский пляж оттенял синеву моря...»

Ерунда какая-то! Как может пляж что-то оттенять?

«Берег моря удивлял своим живописным видом...»

Опять не то! Чего там удивляться? Если море, а, к тому же, Средиземное, то, разумеется, живописное! Надо по-другому. Тем более, что фотомодель жаловалась на холод.

Интересно, почему я решил начать именно с этого эпизода? Наверное, потому что экзотика – море, девушки и т. д.

Впрочем, не важно, итак: «Средиземноморский берег зимой не радовал красками, но раздражал холодом и ярким долицемерия солнечным светом. Она шла быстрой уверенной походкой. Прохладный ветер развивал ее волосы и заставлял склоняться ветки зеленых деревьев, росших вдоль набережной.

Вроде, сойдет! В атмосферу погрузились. Что дальше?

Надо понять персонаж. Его мысли и мотивы.

Впрочем, это итак было понятно из присланного текста.

Тогда что?

Нужны поступки. Те, которые приведут к позитивным переменам в ее жизни. Нам ведь нужен хэппи энд, не так ли?

Я задумался, откинувшись назад на стуле и закрыл глаза. Пока я так сидел, монитор уснул. Не знаю сколько прошло времени, но когда я очнулся, то не стал касаться мышки и, таким образом, не вернул яркость компьютерному экрану. Вместо этого, достал из ящика планшет и нажал на сенсорную кнопку.

Раньше я использовал гаджет только на спецзаказах, но никто не запрещал пользоваться им и в повседневной работе. Мое задание было экстраординарным, так что...

Как ни странно, данные со стационарного компьютера были уже синхронизированы с планшетом. Даже файл №2 из архивной папки был открыт и первые мои два предложения красовались в начале листа, сдвигая вниз основной текст.

Я с удовольствием заскользил пальцами по гладкой поверхности сенсорного экрана. Вскоре работа сдвинулась с места и пошла полным ходом.

Вот я уже сижу на лавке на набережной. Передо мной лениво набегают на прибрежный песок пенистые мягкие волны. Было прохладно и я застегнул молнию на куртке до подбородка.

Справа в парке шел показ модной коллекции одежды от известного кутюрье. Туда не пускали и пришлось оставаться снаружи. Я лениво листал страницы какого-то сайта на своем мобильном устройстве. Мне казалось странным, что де-

филе манекенщиц проходит на открытом воздухе. Обычно в помещениях. Так ведь? Хотя, я в этом не специалист. Были слышны звуки мелодичной музыки и периодические взрывы аплодисментов.

Я ждал, когда показ закончится и я смогу поговорить с ней. Она, несомненно, пройдет по дорожке мимо меня и тогда появится возможность обратить на себя внимание.

– Здравствуйте, Марина! – сказал я, спустя длительное время.

– Марина? – ее тонкая черная бровь удивленно изогнулась. – А, впрочем, добрый день!

– День? – в свою очередь изумился я. – Разве показы мод бывают днем?

– Как видите, бывают! – высокая брюнетка с длинными прямыми волосами равнодушно пожалала плечиками. Она смотрела в сторону на водную гладь и интереса ко мне не проявляла.

– Вы, наверное, хотите поговорить? – предположил я.

Тогда Марина направила взгляд своих огромных синих глаз, обрамленных длинными ресницами прямо на меня. Я поежился. Она указала рукой куда-то вперед по набережной.

– Там есть кафе. Можно выпить по бокалу вина, – ответила она. – Моя работа на сегодня закончилась.

Кафе было уютным. Располагалось в небольшом трехэтажном домике архитектурного стиля, характерного для южной Европы. На улице стояли столики, но зонтики были

сложены и стулья убраны. Это время года не располагало к посиделкам на свежем воздухе. Поэтому мы расположились внутри у панорамного окна.

Я плохо представляю себе французские кафе. Или итальянские? Не принципиально. Не приходилось бывать ни там, ни там. Однако, общая картинка была не сложной и от-лично рисовалась.

Мы пили вино в длинных узких бокалах. Красное конечно.

Марина была печальна. От этого она выглядела еще более прекрасной и загадочной.

Сначала мы просто молчали, рассматривая друг друга. Я это делал украдкой, а она без стеснения изучала меня своим немигающим взглядом.

– Рассказывайте! – наконец произнесла она. – Я хочу ясности.

Я смутился от такой прямоты и замялся.

– Ну нет! – выдавил я из себя. – Я не готов к такому.

– Почему? – она слегка растянула свои полные чувственные губы в еле заметной усмешке. – Вы боитесь брать на себя всю полноту ответственности?

Я помолчал, но потом признался:

– Боюсь!

Теперь она усмехалась открыто, откинувшись на спинку стула.

Я замахал руками перед собой в отрицающем жесте.

– Вы не подумайте! – сказал я. – Дело не в трусости. Скорее в неопытности и в недостатке информации.

Брюнетка скривила свое красивое лицо в гримасе, давая понять, что ее мало интересуют мои мотивы.

– Что вы предлагаете? – все тем же холодным тоном поинтересовалась она.

Я пожал плечами.

– Трудно сказать! Наверное, я хочу диалога.

Снова недоуменный взгляд женщины.

– Я имел ввиду, обсуждения! – поспешил я поправиться.

Снова возникла пауза. Я пил вино маленькими глотками, не понимая вкуса.

– Ну что же, давайте обсудим! – заявила она в конце концов. – Какие именно моменты вы хотите предложить на обсуждение?

Я почесал подбородок и задал первый вопрос:

– Почему вы одна?

Модель не стала уточнять что именно я имею ввиду. Она ответила сразу, не обдумывая:

– Потому что мне нужна только я сама.

– А восхищение? Вы же нуждаетесь в восхищении? Иначе вы не выбрали бы такую профессию.

– Я нуждаюсь в зеркале, которое будет отражать меня целиком. Восхищение – это и есть зеркало. Оно помогает мне сознавать себя и собственную ценность.

– Тогда почему вам холодно?

Выражение ее лица стало еще более грустным. Она склонила голову к плечу и увела взгляд в сторону.

– Почему? – настаивал я. – Может зеркало не всегда показывает то, что хочется видеть?

– Зеркало холодное само по себе, – ответила девушка. – Оно не может греть. А показывает оно только то, что есть на самом деле.

– И вам не важно с какого ракурса заглядывать в это зеркало?

– Я модель и видела себя со всех возможных ракурсов. И только внутрь себя заглянуть невозможно. Будь у вас хоть тысяча зеркал – прямых и кривых, как в объективах фотоаппаратов.

– Именно там тепло! – воскликнул я.

– Там? Где? В объективе фотоаппарата?

– Внутри себя!

Марина не ответила и отвернулась к окну.

Я посмотрел на нее в упор, на этот раз без неловкости и стеснения. Казалось кисть просится сама описать ее.

Высокий рост и великолепная фигура. Идеальный овал лица. Высокая линия бровей. Большие темно-синие глаза, смотрящие строго и холодно. Маленький рот со слегка пухлыми губами. Длинные прямые черные как смоль волосы, обрамляющие лицо и спадающие на плечи. Ей лет тридцать, не меньше. Разве в таком возрасте еще работают в модельном бизнесе?

Откуда мне знать?

Но у меня большие возможности сегодня.

– Может стоило бы позволить кому-нибудь другому посмотреть вам внутрь? – снова заговорил я, продолжая любоваться ею. Солнце заглянуло в помещение и луч хорошо осветил ее облик. – И тогда не будет нужды в зеркале. Есть те, объектив которых настроен на тепло. Я точно знаю, что есть!

Марина со снисходительным недоверием глянула на меня и элегантно махнула рукой.

– Делайте, что хотите! – сказала она. – Я сразу говорила, что не нужны никакие диалоги. Будет то, что будет.

Дверь в квартиру была серого цвета. Скучная, невзрачная и безликая, как и множество подобных. Сейчас я вспомнил, что должен быть номер 95, но на двери это не было указано. Впрочем, это совсем не важно.

Я нажал на кнопку звонка. Ничего не произошло. Либо я не слышал трелей из-за звуконепроницаемости двери, либо звонок просто не работал. Скорее всего, последнее.

Мне пришлось несколько раз постучать.

Сразу же послышались небыстрые шаги, опровергая предположение о звукоизоляции, и, вскоре, дверь отворилась. Невысокий, лысеющий мужчина лет сорока появился в полумраке прихожей. В руках его был журнал, а на лбу большие очки. Одет он был в домашний халат и тапочки.

– А! Это вы! – произнес он и посторонился, приглашая меня войти.

Хозяин не выглядел равнодушным. Скорее был рад моему приходу, чем наоборот. Не выпуская из рук глянцевое издание, раскрытое на развороте, где красовалось какое-то красочное фото, мужчина изобразил радушную, но немного робкую улыбку.

– Давайте пройдем на кухню? – предложил он. – В комнате у меня беспорядок.

Я не удивился огромному количеству фотографий разного размера, висевших на стенах в прихожей. Они были в рамках и без них, цветные и черно-белые. Было темно и содержание их расплывалось, но смотрелось все это вполне уместно. Я даже подумал, что комната, наверное, вообще превращена в выставку. Но туда меня не позвали, поэтому пришлось пройти на крохотную кухоньку, типичную для хрущевской однушки, и взгромоздиться на табурет у небольшого стола.

Хозяин захлопотал у допотопного эмалированного чайника, что стоял на газовой плите.

– Сейчас будет чаёк! – объявил он, зажигая конфорку от обыкновенной спички.

Я хотел было попросить кофе, но быстро передумал.

Вскоре на столе появилась вазочка с печеньем и две чашки с чаем из пакетиков. Хозяин продолжал улыбаться, размешивая ложечкой сахар.

– Я знал, что вы придете! – сказал он. – Это было предсказуемо.

– Вы не рады?

– Ну что, вы! – мужчина поправил очки. – Очень рад! Даже счастлив, можно сказать. Всякий гость – это радость для меня. Я ведь не избалован визитами. И на работе мало общения. Так что, милости прошу!

– Как ваши успехи в бизнесе? – начал я беседу, отхлебнув горячего напитка. – Студия процветает?

Он вздохнул.

– О чем это вы? О каком процветании речь? Еле свожу концы с концами! Весь небольшой доход уходит на аренду помещения. Самому же не хватает на элементарные бытовые нужды, – взгляд его смущенно скользнул по обстановке кухни, как бы в подтверждение слов.

– Ну это временно, уверяю вас, Михаил! – подбодрил я его, впервые назвав по имени. Тот немного округлил глаза, но мгновенное изумление быстро прошло. – Вы обязательно добьетесь успеха в этой сфере деятельности. Потенциал в этом виде предпринимательства весьма велик.

Михаил смущенно кашлянул и снова схватился руками за дужки очков.

– Видите ли, для меня это не просто работа, – заявил он. – Это нечто большее. Более глубокое и личное.

– Понимаю! – я кивнул головой. – Для вас, как для настоящего профессионала фотография – это вид искусства. Не

так ли?

Мужчина согласился, но добавил:

– Искусство – это слишком мелко и узко. Я склонен считать это целой отраслью культуры. Направлением, определяющим содержание целых пластов в развитии человеческой цивилизации.

– Ух ты! Масштабно! Такой подход к собственному ремеслу делает вам честь! – я невольно усмехнулся, произнося эти слова.

Михаил тут же мимически отобразил негативную реакцию на мое высказывание. Прочитав это, я поспешил извиниться:

– Не обижайтесь! Я с искренним уважением всегда относился к тем, кто живет своей профессией.

Хозяин квартиры насупившись заерзал на старой деревянной табуретке.

– Дело не в этом! – буркнул он.

– А в чем?

– Фотография – это не ремесло! И не профессия!

– Призвание?

– Если хотите, то да! Призвание, определяемое способностями и талантом. Этому невозможно научиться, я считаю.

– Дар, полученный от рождения? – я старался смотреть на своего собеседника с серьезным выражением на лице.

Он кивнул, многозначительно прикрыв глаза.

– Я понял. Вы художник, – продолжил я. – Чего же вам

тогда не хватает?

– С чего вы это взяли? – он встал на ноги и отошел к окну. На улице за занавесками шел дождь и струи воды ручьями стекали снаружи по стеклу. – Мне всего хватает. У меня есть я и мое творчество!

– Еще одна самодостаточная личность, довольствующаяся собой! – пробурчал я себе под нос.

– Что вы сказали?

– Нет, нет! Ничего! – чай в моей чашке оказался очень неплохим, и я продолжал с удовольствием угощаться. – Значит все у вас в порядке?

– Абсолютно! – отозвался он, не поворачиваясь.

– Тогда зачем я здесь?

Фотограф пожал плечами.

– Откуда я знаю? Вам виднее! Но я не врал, когда говорил, что рад вашему визиту.

– Тогда почему вы меня не пускаете в комнату?

Михаил замолчал и плечи его опустились. Он, как будто, сжался в комок.

– Говорите, не стесняйтесь! – подбодрил его я. – Мне можно, вы же знаете. Все равно рано или поздно мне станет известно.

Хозяин постоял еще немного, а потом решительно повернулся и указал рукой в коридор.

– Пройдемте за мной!

– Может для начала закончим чаепитие? – попросил я.

– Ну нет! Прямо сейчас!

Я подчинился, и мы оказались в комнате. Михаил распахнул двустворчатые двери и широким жестом констатировал то, что я увидел.

В помещении была только старая полуторная кровать с неубранной постелью, платяной шкаф и телевизор на полу. Остальное пространство можно было условно разделить на две части. В одной стояли и лежали в хаотичном порядке всевозможные устройства, связанные с фотоделом. Это были штативы, камеры различного формата и какой-то хлам неизвестного мне назначения. Были даже совершенно устаревшие во всех смыслах коробочки с фотопленкой.

Вторая же часть неожиданно оказалась мастерской живописца.

Я был искренне изумлен.

– Вы пишете картины? – удивленно протянул я.

С плохо скрываемой гордостью Михаил кивнул головой и потом добавил.

– Картину.

– Что? – я оглянулся по сторонам.

– Одну картину, пояснил он, – мне этого вполне достаточно.

Я снова огляделся. На стенах, мольбертах, которых было как минимум три, даже на полу размещались многочисленные рисунки. Некоторые из них были только карандашными набросками, другие же являлись вполне законченными про-

изведениями.

– Простите, Михаил, но я вижу несколько десятков картин! – сказал я.

– О, да! – согласился хозяин. – Но большая часть хлам! Мне нужна только одна! Та которая останется навсегда. Участь остальных – мусорная корзина!

Я стал медленно, как в художественном музее, обходить эту импровизированную экспозицию. В первые же секунды я понял то, что объединяет все эти работы. Везде были женские портреты. Именно портреты. Только голова и плечи как в фотографии на паспорте. Никаких тебе дамочек в красивых нарядах с цветами или сюжетных композиций – только портреты. Женщины были разные. Несколько десятков образов. Молодые и не очень. Блондинки, брюнетки и рыжие с веснушками. Были печальные, весёлые и загадочные как Джоконда. Полненькие с пухлыми щеками и худощавые. Словом, весь возможный спектр.

Каждая была индивидуальностью. Никакой схожести между собой. Как у терракотовых воинов первого китайского императора. И характер, прямо рвущийся наружу с холста.

Мне показалось, что это действительно талантливо.

– Зачем же так жестко? – спросил я автора картин, продолжая рассматривать их. – Я бы оставил всех!

– Прекратите язвить! – раздраженно отозвался Михаил.

– И не думаю! Я абсолютно серьезно! Каждая из них хороша по-своему!

– Вот именно! – воскликнул новоиспеченный художник. – Но мне нужен идеал! Абсолют, который совместит в себе все это!

– О! – протянул я. – В этом вы не одиноки. Насколько я могу судить, исходя из своих скудных познаний в этой области, каждый более-менее значительный живописец или скульптор ставил перед собой такую цель. Взять Микеланджело, например, или... – мне пришлось замолчать, так как я заметил, что Михаил покраснел и стал тяжело дышать от еле сдерживаемой ярости.

Сделав вид, что не заметил, я продолжил говорить неприкрытым тоном, понимая, что мой сарказм выводит его из себя, но не сумев сдержаться:

– И кто же ваша фаворитка? И вообще, я бы подумал на вашем месте о женитьбе! Уж слишком однообразный у вас репертуар!

Но я осекся, когда дошел до небольшого карандашного наброска на листе А4. Рисунок был черно-белым и только глаза были раскрашены ярким темно-синим фломастером. Выглядел портрет очень реалистично и был вполне узнаваем.

Это была красивая брюнетка. Идеальный овал лица. Высокая линия бровей. Большие глаза, смотрящие строго и холодно. Маленький рот со слегка пухлыми губами. Длинные прямые черные как смоль волосы, обрамляющие лицо и спадающие на плечи.

Я остановился и замер.

Но в этот момент, хозяин квартиры взорвался яростной тирадой. Это была реакция на мою шутку о женитьбе. В итоге он выгнал меня, почти вытолкав в подъезд.

– Я в вас сильно разочарован! – сказал он мне вслед, уже спокойнее. – Мне казалось, что вы способны понять... Но это не так! Теперь я не нуждаюсь в вас! Впрочем, как и раньше. Уходите и имейте в виду, что мне безразличны ваши дальнейшие действия!

Спускаясь по лестнице, я подумал, что будет нелегко уговорить Марину посетить фотостудию и сфотографироваться на документы. Однако она обязательно придет туда и встретит Михаила. Или наоборот Михаил встретит ее. Словом, сюжет встанет в заданное русло.

– Кто это? – хриплым голосом спросил Михаил Дмитриевич своего коллегу учителя физкультуры и указал пальцем, на выходящую из учительской высокую молоденькую девушку с длинными черными волосами.

– Это? – переспросил жизнерадостный физрук. – Новенькая учительница литературы. Понравилась? – он громко захохотал.

Тот только отмахнулся и, пройдя к шкафу с классными журналами, стал выбирать нужный ему. Громко зазвенел звонок на первый урок. Учителя стремительно покидали свое уютное гнездышко и разлетались по учебным кабинетам.

там. Только Михаил Дмитриевич – учитель физики не мог прийти в себя.

Когда он несколько минут назад вошел сюда, то не сразу увидел ЕЁ. Сначала был шум и столпотворение, присущие школьной перемене даже если ты находишься в учительской. И только спустя несколько мгновений взгляд вырвал из суетного хаоса ее образ.

Насыщенные синевой глаза, из которых изливается, беспокойный и бесконечный поток. Удивительно белая кожа на лице и руках... Черные, угольные, вороной масти волосы, широкой волной спадающие на плечи. Идеальный овал лица. Маленький рот со слегка пухлыми губами. Высокая линия бровей. Высокая, но не крупная. На вид лет двадцать с небольшим.

Он рефлекторно стал озираться вокруг. Глаза искали угрозу... Нет ли кого вокруг, кто посмеет, кроме него самого, смотреть на это чудо?

Вокруг люди. Женщины. Некоторые глядят на него. Почти все, так или иначе, посмотрели на него! Кроме нее. Она лишь раз взглянула и по лицу ее пробежала напряженная волна. Стоит в углу у кресла. Костюм строгий, деловой. Только юбка немного коротковата. Поза скромная и неуверенная, взгляд горящий и немигающий. В руках классный журнал прижатый к груди.

Все это он увидел за те несколько секунд, что позволил себе смотреть на нее.

Было второе сентября. Солнечные лучи били из больших окон, которые сияли чистыми, недавно вымытыми стеклами за ее спиной. Было жарко и душно. Звонок продолжал возвещать о начале первого урока. Учительская пустела.

Он стоял как вкопанный у шкафа и боялся взглянуть на нее еще раз. Однако, когда он снова поднял глаза, то увидел только стройную спину новенькой учительницы. Девушка стремительно удалялась через широкие двери в коридор.

Больше он ее не видел.

Ему объяснили, что она уволилась уже на второй день. Почему? Не ясно.

Через некоторое время Михаил Дмитриевич все забыл. Рутинка поглотила его. Уроки физики, классное руководство – суета сует и напряжение невероятное! Кроме того, он еще был неофициальным школьным фотографом. Фотография была его любимым хобби и увлечением. Директор доплачивал ему из премиального фонда за съемку школьных событий и мероприятий, а также за кружок по фотodelу для старшеклассников.

Разумеется, обыденность стерла из памяти тот крошечный эпизод, но эмоциональный шок надолго спрятался в глубинах подсознания. Впрочем, мужчина продолжал жить и работать, мечтая когда-нибудь покинуть школу и открыть свою собственную фотостудию.

– Сколько лет вы уже в модельном бизнесе? – спросил я

шагающую рядом со мной красивую высокую брюнетку.

Марина улыбнулась и ответила:

– Восемь лет.

– Это много или мало?

– Достаточно! – глаза ее погрузнели. – Для того чтобы списать меня в утиль. Я довольно поздно начала и теперь уже пора задуматься о том, чем заниматься в старости.

– Не преувеличивайте! – воскликнул я. – Вы молоды и прекрасны! Таких не списывают.

Она горько усмехнулась.

– Это если есть хорошие покровители.

Я хотел спросить, почему она не обзавелась таким покровителем, но вовремя одумался и промолчал.

На этот раз мы были дома – в России. Мы шли по тенистой дорожке где-то на бульваре и яркое солнце пыталось пробиться сквозь зеленые кроны тополей. Марина была в легком платье и в солнцезащитных очках. Находиться с ней рядом мне было до невозможного приятно. Особенно если учесть потрясающий аромат ее духов. Такой знакомый и сводящий с ума. Тогда в кафе я не чувствовал его. Или не хотел чувствовать? Не важно! Главное, что сейчас у меня слегка кружилась голова и хотелось, чтобы эта прогулка никогда не заканчивалась.

Это, кстати, зависело именно от меня – сколько продлится наше пешее путешествие по бульвару.

Но так нельзя. У меня сейчас были другие задачи. Поэто-

му скоро должна была появиться фотостудия, где работал Михаил.

– Но у вас же есть другая профессия? – заметил я своей спутнице.

Женщина засмеялась.

– Школьная учительница? О да! Я проработала по специальности ровно один день и не думаю, что в системе образования меня ждут с распростертыми объятьями!

– Что же помешало вам работать педагогом? – все-таки спросил я, хотя прекрасно знал ответ.

– Вы, наверное, думаете, что маленькая зарплата отпугнула меня? – спросила она, и не дождавшись ответа покачала головой: – Вовсе нет! Я с детства мечтала стать учительницей.

– Тогда в чем причина?

– Причина в двух старых мегерах! – голос фотомодели стал более резким и злым. – Обе самоутвердились за мой счет. Одна – завуч в школе, которой доставлял удовольствие сам процесс руководства коллективом. Она получала невероятное наслаждение от возможности проявить свое влияние. С позиции блюстителя нравственности, разумеется! Но мне повезло. Я видела ее всего три раза в жизни, а потом навсегда избавила ее от своего общества.

– А вторая? – с интересом спросил я.

– Со второй мне повезло меньше, – вздохнула бывшая учительница. – Она до сих пор является моим боссом. Реша-

ет все за меня. Командует и зарабатывает на мне. Это она восемь лет назад убедила двадцатидвухлетнюю девчонку, что ее внешность дает невероятные перспективы в мире моды и что другого пути у меня просто нет. Я была доверчива, она – убедительна. Плюс депрессия после того, как мечта рухнула. И вот результат! – она развела руками.

Я что-то сочувственно пробурчал и не стал комментировать.

– Как вы умудрились потерять паспорт? – бодро усмехнулся я, уводя разговор на другую тему.

Марина снова развела руки в стороны.

– Я несобранная и рассеянная! Так всегда было.

– Здесь есть отличная фотостудия! – я указал рукой на небольшой торговый центр, что был через дорогу. – Я сам здесь снимался на документы и остался доволен качеством!

Женщина равнодушно пожала плечами.

– Здесь, значит здесь! Кстати, я хорошо знаю это место. Тут хорошая книжная лавка!

– Любите читать?

– Единственная моя радость в жизни. Кроме того, я ведь филолог по образованию.

Потом она повернулась ко мне и по-деловому протянула руку для пожатия. Однако получилось это у нее по-женски элегантно.

Я неожиданно решился и поцеловал ее аристократично тонкие пальцы. Сначала на ее лице возникло выражение

крайнего удивления. Зато потом я впервые увидел искренность в ее улыбке и теплоту во взгляде. И мне даже показалось, что в ее темно-синих глазах засветился интерес.

– До свидания! – произнесла она мягко и чуть-чуть игриво. – Спасибо, что проводили!

– Ну что вы, Марина! Всегда к вашим услугам! – я старорежимно раскланялся. Очевидно, поцелуй руки подтолкнул мои рефлексy к этому действию.

Марина улыбнулась еще шире и скрылась за стеклянными вращающимися дверьми торгового центра.

У входа в фотостудию, что располагалась под эскалатором, я оказался раньше Марины. Она не сразу нашла ее, неторопливо шагая по коридорам и павильонам, отвлекаясь на всевозможные мелочи, неизменно интересующие представительниц слабого пола.

Входить внутрь я не стал, памятуя о том, как Михаил недавно прогнал меня из своего дома. Я просто стоял в отдалении, там, где было хорошо видно помещение и его хозяина.

Михаил Дмитриевич сидел за своим прилавком и, подперев кулаком подбородок, уныло листал что-то в компьютере. Посетители не радовали его ажиотажем, что, наверняка, сказывалось на доходах скромного предприятия и поэтому владелец его тихо грустил. Были и другие причины такого удрученного состояния этого человека, о чем мне было хорошо

известно. Поиск идеала для воплощения творческой идеи и создания шедевра – дело весьма нелегкое.

Не зная, что за ним наблюдают, недооцененный талант иногда мимически отражал собственное настроение. Он кривился, сжимал губы, морщил лоб и сдвигал брови. Кроме того, он часто шмыгал носом и поправлял очки.

Но все это до тех пор, пока не вошла ОНА. Мужчина не сразу обратил внимание на посетительницу, так как шаги ее были тихими.

Хозяин студии на мгновение застыл. Глаза его округлились, а губы мгновенно пересохли.

Нет, он не узнал в этой даме ту напуганную молодую девушку, в углу учительской с журналом в руках. Несчастный фотограф просто не ожидал, что сегодня вообще будут клиенты.

Но в глубинах его сущности уже началась работа по поиску соответствий и ассоциаций, чтобы выдать потом ту эмоцию, которая вызвала у него шок восемь лет назад. Но это будет позже, в тот момент, когда Михаил возьмет в руки три маленьких фото. Именно изображение, а не сам человек быстрее давали импульс его сознанию – так он был устроен.

– Здравствуйте! – сказал мастер фотографии. – Вам нужно сделать снимок?

Марина долго смотрела в зеркало. Потом сидела перед объективом. И за все то время, что она здесь провела, с ней не произошло ничего того, что было бы ей непривычно.

– Спасибо! – вежливо произнесла она и покинула студию. Наверное, навсегда...

«Стоп»! – мои руки в отчаянии охватили голову. – «И к чему же я пришел»?

Все что будет дальше я отлично помню. Все мои усилия привели к тому с чего я, собственно, и начинал.

Великолепный результат, ничего не скажешь!

Ноги сами понесли меня к выходу. Я вновь оказался на бульваре, нашел свободную скамейку, уселся на нее и тяжело задумался. Соседняя лавочка находилась метрах в тридцати правее и на ней развалился безобразный грязный бомж с огромной бородой. Одет он был явно не по погоде – черная шапка и зеленый рваный пуховик. Видимо, летняя жара мало отличалась для него от зимнего холода. А может это моя фантазия ёрничала всевозможными коллизиями.

Бродяга смотрел на меня и щерился беззубым ртом, салютуя мне коричневой бутылкой с остатками пива.

Я в сердцах плюнул себе под ноги и стал подниматься чтобы уйти. Но в этот миг кто-то схватил меня за руку и усадил обратно. Я обернулся. Рядом со мной сидела Лилия.

Сегодня она выглядела прекрасно. Даже лучше, чем обычно. Как-то очень румяно и свежо. Новая прическа и стильный макияж добавляли ей шарму. Женщина, как всегда, приветливо улыбалась. На плече ее висела маленькая дамская сумочка.

– Привет, Лилия! – уныло поздоровался я.

– Снова, здравствуй! – отозвалась моя начальница. – Ну и местечко ты нашел! – фыркнула она, и снова схватив меня за локоть с усилием потянула на себя. – Отвлекись, пожалуйста, от работы! Все-таки я твой руководитель, прояви уважение!

Я встрепенулся, потер ладонями утомленные глаза и положил планшет на стол.

В офисе по-прежнему стоял полумрак. Монитор главного компьютера был темным и только экран мобильного устройства светился черно-белыми рядами букв. Лилия сидела рядом на стуле, где всегда, когда приходила сюда.

– Зачастила ты ко мне сегодня, – прикрывая рот рукой, устало зевнул я. – Два раза за день – такого я не припомню!

– Как твои успехи? – спросила она.

Я разразился тяжелейшим вздохом и развел руками.

– Да ладно! Не прибедняйся! – хмыкнула женщина и придвинула к себе планшет с текстом. Пробежала глазами и удивленно посмотрела на меня. Потом ее удивление сменилось насмешкой. – Ты, когда закончишь? Пять часов уже сидишь!

– Издеваешься? – я выпучил глаза. – Заканчивать? Да я еще не начинал! И вообще, ничего у меня не получается!

Лилия снова уставилась в монитор, и листая электронные страницы изящным пальцем с красивым маникюром, дольше и внимательней ознакомилась с текстом.

– И чего тебя не устраивает? – уже серьезно спросила она, оторвавшись от чтения. – Сюжет ты худо-бедно слепил.

Логику выстроил. Черты характеров набросал. Чего же тебе еще надо?

– Финал! – крикнул я, хриплым голосом.

– Что с финалом?

– Концовка, результат! Нету их! Я закольцевался и вернулся к началу. Проблемы персонажей не решены...

– Проблемы?

– Ну да! Нужен итог, который устроит всех, а у меня...

– А у тебя?

– Я только-только успел покопаться в них и нащупать хоть какой-то кусочек истины. Той драмы, что есть в каждом.

– И кто же тебе поставил задачу решать их проблемы? – вздохнула женщина.

Я удивленно замолк и посмотрел на свою руководительницу. Та закинула ногу на ногу и задумчиво смотрела на меня. Легкая усмешка сохранилась на ее лице.

– Ну как же! – проговорил я. – Это моя работа.

– Ты больше не Корректор, Марк! – громко произнесла Лилия, наклонившись ко мне. – Ты Автор! Запомни это уже!

Я насупился, и отвернувшись, надолго замолк.

– Ты не понимаешь в чем разница? – в конце концов спросила она.

– Понимаю! Но считаю своим долгом...

– Хэппи энд как итог? Ради Бога! Кто же тебе мешает?

Я в очередной раз задумался.

– Только не перестарайся, – продолжила Лилия. – В ко-

нечном итоге все зависит не только от того, как ты этот финал представляешь. Не забывай, что персонажи получают жизнь тогда, когда ты вдохнул ее в них, а потом их прошлое, будущее и настоящее определяется тем, какой душой ты их наградил.

– Ты хочешь сказать, что... – я потер подбородок.

– Вот именно! – отозвалась начальница. – Наступает момент, когда Автор уже бессилён и не волен что-то изменить. Герои получают свободу.

Я прикрыл глаза и откинул голову на спинку офисного кресла.

Лилия вернула мне планшет и засобиравалась уходить.

– Тебе совершенно не о чем переживать! – продолжила она, вставая со стула. – Для первого раза получилось весьма неплохо! И если ты беспокоишься за Михаила, то совершенно зря! Он ведь получил что хотел.

– О чем ты, Лилия?

– Ты дал ему тот идеал, который он искал.

– Но Марина не вернется к нему! – воскликнул я. – Я пробовал, но нет ничего, за что можно зацепиться. Он не ее герой, как не крути.

– Разумеется! – ответила Лилия. – Он ей совершенно не подходит. А вот она ему очень нужна. В качестве совершенного образа, который сопровождает его жизнь и творчество. Теперь он нарисует свою картину и выбросит все остальные. Переживания пройдут, а шедевр останется, – она уже подо-

шла к двери и взялась за ручку. – А что касается Марины, то это же твоя героиня. Поэтому, само собой разумеется, что невозможно сляпать воедино то, что принципиально не монтируется между собой.

– В каком смысле моя? – ошарашенно произнес я.

– В прямом! Ты создал ее для себя и только для себя! При чем давно. Вот и принимай на свою ответственность, – она распахнула дверь и усмехнулась. – Только чтобы не в ущерб работе. Работай Марк! Это у тебя неплохо получается.

Дверь захлопнулась и наступила обычная пыльная тишина, присущая нашей конторе. Корректоры работали, шурша бумагой и стуча клавиатурой. Тихо скрипели кресла и стулья. Бесконечный рабочий день продолжался.

Я почувствовал комок в горле. Настроение продолжало стремительно падать. Впервые я не ощущал удовлетворения от результата своей работы, которая по мнению Лилии уже завершена. Мало того, смутный беспокойный дискомфорт где-то внутри нарушал душевное равновесие. Мне было тревожно за то, что я сделал. Сотворенное мною имело смутные перспективы на существование и развитие. По крайней мере мне сейчас так казалось.

Может подождать и не ставить пока точку? Пусть я потрачу еще больше времени, но доведу все до ума. Или, все же, прислушаться к словам своей наставницы и отпустить сюжет в свободное плавание?

Я понял, что сильно устал. Голова опустилась на стол, а

глаза закрылись. Мне нужен был перерыв. Впервые за всю мою долгую практику.

Но через несколько секунд пришлось вернуться в прежнее положение. Снова знакомый и привычный аромат духов! Я автоматически повернулся налево – туда где всегда была ОНА. Моя соседка! Радость и фантазия, что долгое время помогала мне самим фактом своего существования.

Я почему-то не удивился, когда УВИДЕЛ ее. Идеальный овал лица. Высокая линия бровей. Большие темно-синие глаза, смотрящие пронзительно и немного насмешливо. Маленький рот со слегка пухлыми губами. Длинные прямые черные как смоль волосы, обрамляющие лицо и спадающие на плечи.

– Привет! – сказал я.

– Виделись! – ответила Марина и тепло улыбнулась, точно также как несколько минут назад на бульваре.

Потом, моя мечта протянула мне руку и я, преодолевая дрожь и волнение, принял ее в свою ладонь. Снова прикоснувшись к тонким изящным пальцам своими губами, я понял, что мне очень хочется поставить точку и отправить файл в архив.

Или, все-таки, многоточие?